

ЕСЛИ «FAILED STATE» НАЗНАЧАЮТ — ЗНАЧИТ, ЭТО КОМУ-ТО НУЖНО

Юрий Солозобов

Юрий Солозобов — российский политолог, директор по спецпроектам Института национальной стратегии (ИНС), руководитель Центра международной энергополитики, автор статей и книг по актуальным проблемам постсоветского пространства, политическим элитам, энергетической политике

Существует официальная доктрина США, устанавливающая градации суверенитета. Первый вид суверенитета — это полный или почти полный суверенитет. Сюда попадают союзники США, которые соответствуют определенным либерально-демократическим идеологическим нормативам.

Второй вид суверенитета — это условный суверенитет стран, которые имеют разного рода проблемы на своей территории, в том числе и мифические. Россия, скорее всего, относится ко второй категории. И, наконец, есть третий — заведомо ограниченный суверенитет. Он существует для таких «плохих неудобных» стран, как Северная Корея,

Ирак, Сомали, Афганистан. Сами США вне этой типологии. Америка «по определению» обладает самым высшим — неоимперским суверенитетом, они «имеют право» назначать той или иной стране тот или иной вид суверенитета. Эта доктрина действующая, и не потому, что документ носит статус действующего, а потому что она работает.

Нельзя придумать внешнего универсального критерия для сохранения или разрушения целостности так называемых *failed state*. В этом смысле в американской политике ничего не изменилось со времен полковника Эдварда Хауса и Вудро Вильсона. В комментариях полковника Хауса к 14 пунктам Вильсона очень откровенно и предельно цинично сказано: наша задача — превратить Европу в геополитическую «щебенку» и создать там постоянные очаги напряженности. И так, критерий очень прост: политическая целесообразность. Удобно держать вместе многоэтнический Афганистан, поликон-

ситуация на Украине радикально отличается от афганской. Любой здравомыслящий международник или образованный политолог знает о существовании такого серьезного документа, как Будапештский меморандум от 5 декабря 1994 года. В нем идет речь о том, что члены ядерного клуба (позже к ним присоединился Китай) зафиксировали в форме меморандума особые гарантии для постсоветских стран Белоруссии, Казахстана и Украины в связи с добровольным ограничением ими безъядерного статуса. Россия получила статус единственной легитимной ядерной державы на постсоветском пространстве. В Казахстане этот документ называют следующим по значимости после Декларации о независимости и Конституции Казахстана. Если Россия находится в канве этого меморандума, тогда **мы вместе с другими членами атомного клуба должны принимать участие в гарантировании территориальной целостности Украины.**

Федерализация Украины

Консенсус украинской элиты таков: лучше быть первым в Галлии, чем вторым в Риме

фессиональный Ирак, многоанклавную Боснию и одно временно разбирать на донорские органы в прямом и переносном смысле вполне здоровую Югославию.

***

Не стоит через запятую после Афганистана и Сомали записывать в раздел «failed state» Украину. Внутренняя

должна опираться на консенсус ядерных держав. Любое одностороннее действие России в этом направлении будет означать разрушение сложившейся системы гарантий безопасности на постсоветском пространстве. В результате мы получим по периферии наших границ ядерные региональные державы, такие, как Белоруссия, Украина. Украинские военные уже давно вы-

ступают за ядерный статус Украины. У Украины есть все технические и интеллектуальные возможности, чтобы стать ядерной страной достаточно быстро. Не секрет, что в Белоруссии есть суперкомпьютеры, которые позволяют осуществлять моделирование в полном масштабе, есть определенная инфраструктура размещения военных, а ядерный мускул наращивается быстро. Казахстан в этом смысле особая страна, потому что Нурсултан Назарбаев выступил инициатором добровольного ядерного разоружения. Но нет никакой уверенности, что возможные преемники Назарбаева будут такими же ядерными пацифистами. У Казахстана есть гигантские запасы урана, прекрасная атомная промышленность, и, наконец, в Казахстане находился Семипалатинский атомный полигон с необходимой документацией и оборудованием.

Фантазии на тему Украины как «failed state» — это некая форма психологической компенсации части наших политологов и части наших политических элит за психологическую травму «оранжевой революции». Пора уже эту травму пережить и начать говорить с Украиной на взрослом языке политического реализма.

Угроза раскола Украины значительно преувеличена российскими экспертами. Все крики о том, что вот-вот «Восток поднимется» и уйдет в Россию, имеют довольно мало оснований.

Надо, к сожалению, констатировать, что из двух политиков, прошедших горнило первого тура выборов, нет откровенно пророссийских. Виктор Янукович, которого в нашей прессе почему-то называют однозначно пророссийским политиком, первым выступил в западной печати со статьей о европейском выборе Украины и необходимости вступления Украины в НАТО. У франкменов украинской сцены есть очень четкий консенсус, так же, как у тех акторов, которые сидят в тени и хотели бы легитимизировать свои капиталы, полученные в том числе от теневой перепродажи газа и продажи советского вооружения из прифронтовых украинских округов: они должны получить благосклонность Запада. Кроме того, инфраструктура Украины в значительной степени разрушена, а сами украинские элиты не готовы вкладывать деньги в свою страну. Они ждут, что придет ЕС и поможет им так же, как он помог, скажем, Болгарии и Румынии. Вопрос же общественных настроений по поводу вступления в НАТО — это всего лишь вопрос пиара. Консенсус украинской элиты таков: лучше быть первым в Галлии, чем вторым в Риме. Вряд ли Янукович желает быть полпредом Южноукраинского федерального округа. ■

Специально для РЖ

МИНИСТЕРСТВО РЕИНТЕГРАЦИИ УКРАИНЫ

ВЛАДИМИР ЛУПАЧИЙ — украинский политолог, исполнительный директор Центра социальных исследований «София» (Киев)
Специально для РЖ

Электоральный раскол, который Украина пережила во время президентской кампании 2004 года, зафиксировал кризис как административно-бюрократической, так и кланово-корпоративной моделей реинтеграции, которые приходили на смену друг другу в период 1991–2004 годов.

Феодално-бюрократическое и корпоративное структурирование Украины обеспечивало определенную связность и целостность страны, но одновременно блокировало формирование общенациональной идентичности, устойчивой и органической модели консолидации общества.

Сегодня Украина остро нуждается в реализации новой общественно-политической модели реинтеграции страны. Основным инициатором общественно-политической модели реинтеграции будет выступать не бюрократия и не корпоративные группы, а политические партии, институты гражданского общества, органы самоорганизации населения и группы экономических интересов.

Главной целью новой стратегии реинтеграции должно быть не столько преодоление внешних проявлений дезинтеграции социума (электоральный раскол), сколько формирование механизмов, которые обеспечивают поддержание баланса и равновесия между интег-

рационными и дезинтеграционными составляющими развития государства, нации, социума. Такая модель, в частности, предусматривает реализацию многомерной стратегии, которая соединит административные, экономические и общественно-политические инструменты интеграции и консолидации украинского социума.

Появление общественно-политической модели реинтеграции предусматривает разработку и внедрение стратегии и пакета реинтеграционных программ. Очевидно, что **реальным вкладом в реализацию украинской евроинтеграционной стратегии стало бы создание в Украине министерства реинтеграции.** Данный институт мог бы выполнить ключевую роль в деле культивации общенациональной идентичности, которая бы вобрала в себя и инкорпорировала локальные и региональные идентичности.

В любом случае политика реинтеграции должна реализовываться как превентивная стратегия, которая призвана предупредить дисфункцию социального целого. Она не под силу государственным чиновникам. Успех при формировании и продвижении новой модели реинтеграции в Украине будет зависеть от общих усилий общественных организаций и территориальных общин, и украинского бизнеса, и государственных институтов. ■